

Татьяна КАЛМЫКОВА

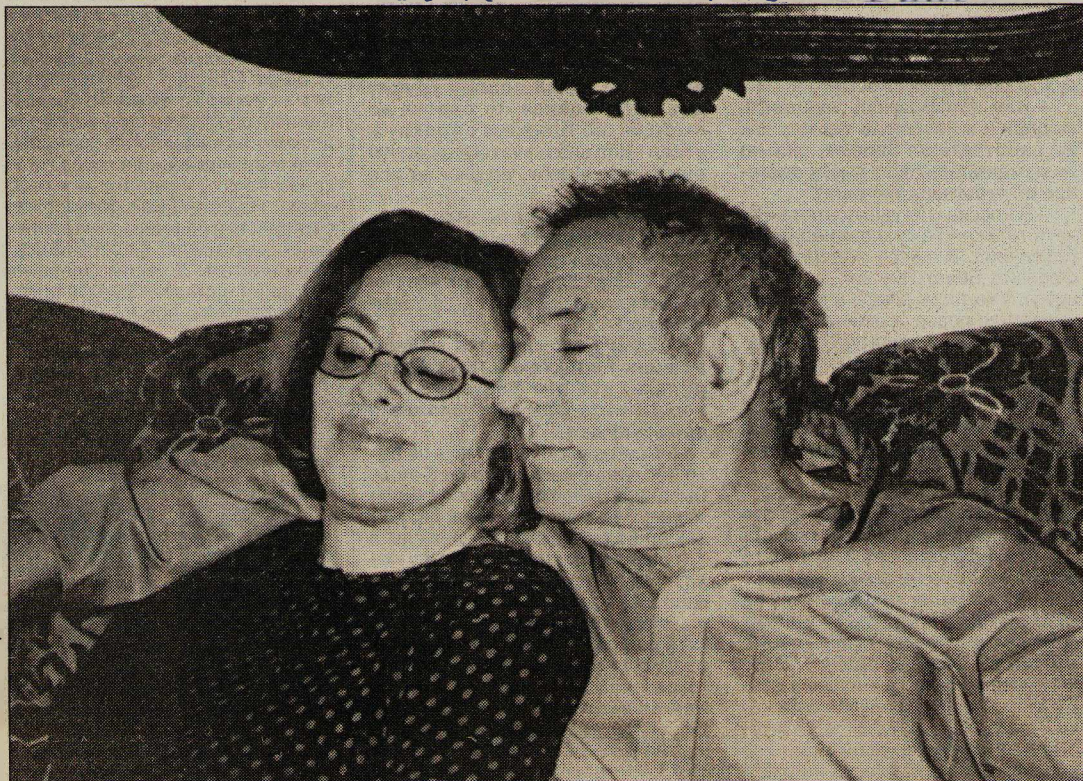
— Каким был минувший год для вашей семьи?

— Трудным. Для меня лично. Я не снимал кино, поэтому хандрю. И перспектив очень мало. Не ясно с деньгами ни на Мосфильме, ни тем более в Госкино. Там просто черная дыра. Но, конечно же, я кое-что делаю, сценарий написал: скоро он будет напечатан в Киноальманахе. Называется «Жизнь забавами полна». Надеюсь поставить по нему фильм... Ну и еще, конечно же, что-то делаю. Хожу по магазинам — я заготовщик продуктов, хотя это не очень приятное занятие. Потому что в моем возрасте не снимать кино — значит стариться. Это ненормально. Когда я снимаю — я живу, кому-то нужен, я в окружении людей, в работе... Вот сейчас от полного безделья сочинил не только музыку, но и слова к песенке, деваться-то некуда. Диск с Сергеем Никитиным записали.

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

Время такое — надо зарабатывать деньги

Век. Москва — 1999 — 28 янв. — с. 12

Супруги Тодоровские. Вдвоем — все невзгоды ничем

— А вы хотели бы снять фильм про наши сиюминутные трудности, про кризис, например. Как рухнули мечты у большинства из нас?

— Я никогда не снимал конъюнктуру. Если прямо сейчас снять то, что происходит, ничего хорошего не получится. Надо, чтобы все отложилось... Даже про перестройку я не могу вспомнить ни одного удачного фильма. О нашем времени хорошее кино снимут потом.

— О чем будет ваш новый фильм?

— Про нашу жизнь. Я бы условно назвал это последней коммуналкой в Москве, хотя она далеко не последняя. Но это несбыточная мечта.

— Ностальгия по общежитию?

— Нет. Хотя я сам с 1941 года по 1962-й где только не жил. И коммуналки были, и казармы, и углы снимал, пять лет — общежитие ВГИКа и столько же — общежитие Одесской киностудии. Двадцать с лишним лет мотался по углам.

— Вы знаете, что такое нет своего угла, и, наверное, вам известно, что такое голод?

— О голоде я бы тоже мог снять фильм. Что такое чувство голода? Мечта съесть кусок хлеба. В Саратовском военно-пехотном училище, которое я окончил, только комсоргам рот выпадало счастье дежурства на кухне. За ночь надо было несколько мешков картошки гнилой перечистить, чтобы полу-

чить лишнюю порцию не хлеба, нет, баланды. Был случай, когда мы двое, самых таких... поехали в «закройной будке» с буфетчицей на хлебозавод через весь город, и когда оказались на территории завода, я чуть в обморок не упал от запаха хлеба. Потом дверцы распахнулись, машину подогнали к специальному окошку, и буфетчица каждую буханку, оглядывая, передавала и считала. «Не вздумайте щипать», — сказала она. Приедем обратно, каждую буханку приму». И вот сидишь на хлебе, гладишь и ищешь, какой бы пупырышек отколупнуть. Ведь хлеба-то давали на 12 человек одну буханочку мokrую, тонкой ниточкой вымеряли. Причем не пшеничный хлеб, а полуржаной с овсом, который расплзлся. Капусту пустую три раза в день давали. Это было, когда бои шли в Сталинграде.

После войны на юге тоже был голод. Когда я демобилизовался, и появился в Херсоне, то полгода не снимал военную форму и ордена, чтобы без очереди получить буханку хлеба. Тогда еще уважали военных.

— А тягу к кино когда впервые почувствовали?

— Перед войной я чуть-чуть занимался фото. О кино никогда все-таки не думал. А уже во время войны... Шли тяжелые бои на восточном берегу Одера, и когда утром все затихло и мы поняли, что немцы ушли, нас обогнала «полтор-

ка». С нее соскочил военный человек, достал из-под плащ-накидки камеру и стал в упор снимать проходящих солдат. Я подумал: какая замечательная профессия. Пройдет время, а потомки смогут увидеть эти события, эти лица.

— А как началась режиссура?

— По тем временам, чтобы оператор пришел в режиссуру без диплома — явление невиданное... Лежал сценарий поэта Григория Поженяна «Никогда». Постановку дали молодому режиссеру — выпускнику ВГИКа Володе Дьяченко, а я работал как главный оператор и сорежиссер. Это был экзамен. Картину хорошо приняли. После этого я пригласил Булата Окуджаву, и мы написали сценарий. Нам было не ведомо, что такое сценарий, как его писать, но я и Булат

**Когда-то по нему
сходила с ума
половина женского**

**населения Одессы. Виртуозный гитарист,
прекрасный исполнитель песен и достаточно
известный оператор.
Сейчас — талантливый кинорежиссер,
заботливый муж, отец и дедушка, а еще человек,
умеющий созерцать снег, солнце, восходы
и закаты, наслаждаться щебетаньем птиц.
И это все Петр Тодоровский. Мы сидим в его
уютной квартире и пьем кофе с шоколадом.**

хорошо знали войну. На Венецианском фестивале фильм «Верность» получил приз за лучший режиссерский дебют, а на Всесоюзном — приз за лучшую режиссуру. Этот фильм и открыл мне дорогу в режиссуру.

Потом снял фильм по повести Федора Абрамова «Вся земля». Затем «Фокусник», «Городской романс», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Военно-полевой роман», «По главной улице с оркестром», «Интердевочка», «Анкор, еще анкор», «Такая чудная игра». Последние фильмы шли один за другим. В конце концов я снял «Ретро втроем».

— «Ретро втроем» — дань моде?

— Не совсем так. Это римейк. В 1927 году нашим знаменитым режиссером Абрамом Роомом была снята «Третья Мещанская». Фильм имел большой успех, особенно на Западе. В разных странах он шел под разным названием: «Кровать и софа», «В московских подвалах»,

— На что вы тогда жили?

«Любовь втроем». Мы вместе с молодым драматургом Сулейменовым исполнили сюжет и написали современную историю любви женщины, которую сыграла Елена Яковлева, и двух ее мужчин. Их сыграли Сергей Маковецкий и Жена Сидихин.

— И как приняли фильм?

— У нас очень осторожно: хотя были и положительные отзывы. Наши кинокритики обожают «Третью Мещанскую» и тех, кто прикоснется к ней, не жалуют. А на Западе фильм шел с успехом. Он был показан в панораме Берлинского фестиваля. Картину уже видели в Карловых Варах, Монреале, Лондоне. Сейчас нашу группу приглашают в Нью-Йорк в Музей киноискусства, Будапешт и прочие страны.

— Кто был инициатором современного любовного треугольника?

— Моя жена, Мира, она же продюсер фильма, даже пару эпизодов придумала.

— Ваше любимое блюдо, и кто его готовит?

— Гречневая каша с брынзой. Готовлю ее только сам, никому не доверяю. Сначала гречку поджариваю, затем заливаю кипятком, снимаю пенку и какое-то время к ней не прикасаюсь. Когда она уже разбухнет — запускаю кусок масла сливочного, ставлю на маленький огонь, и она долго доходит.

— А как дела обстоят со спиртным?

— Все уже давно выпито. Когда-то был большим любителем компаний. Мы жили в Одессе, напротив киностудии, все, кто приезжал туда сниматься из Москвы или Ленинграда, бывали у нас в гостях. Кто только к нам не жаловал — и Булат Окуджава, и Андрей Тарковский, и Андрон Кончаловский, и Владимир Высоцкий. Бывало, ночами играли на гитаре, пели, спорили.

— Если бы пришлось выбирать профессию снова?

— Без кино своей жизни не мыслю. Когда я снимаю, то чувствую себя молодым и здоровым. Поэтому счастлив, что сын продолжает мое дело.

— Признайтесь, вы создавали ему тепличные условия или приучали к самостоятельности?

— У него совсем другая жизнь. Валерий рано проявил самостоятельность. После восьмого класса он сам нашел школу с гуманитарным уклоном. За три года прочитал всю классику. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Написал несколько сценариев. Как режиссер снял «Катафалк», затем «Любовь», «Подмосковные вечера», «Страна глухих». Сейчас Валерий работает продюсером над 16-серийным фильмом по романам Марининой и готовит для себя новый сценарий. Время такое. Надо зарабатывать деньги.

— Талант и человечность совместимы?

— Без человечности нет таланта. Профессия режиссера — это прежде всего человечность. Нет в искусстве ничего более значимого, чем человек. Это эпицентр, самый интересный предмет для рассмотрения. Все остальное, в том числе и космос, интересно, любопытно, и только... Зритель сидит в зале, и вдруг он узнает себя и ситуацию в ощущениях, когда смотрит фильм и постепенно забывает, что это кино, начинает соучаствовать в этом процессе, кого-то любить, кого-то ненавидеть, плакать, смеяться... Авангард, новые формы — все это, конечно, необходимо, но Оскара за это пока никому не дали. Только те фильмы, которые внедряются в человеческую душу, раскрывают человеческую суть, человеческие страдания, были удостоены этой самой высокой награды.

— Что вы ждете от наступившего года?

— Надеюсь, что в 1999 году будет поинтересней жить. Хотя на жизнь жаловаться грешно, она прекрасна.